

Рис. Бор. ЕФИМОВА

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

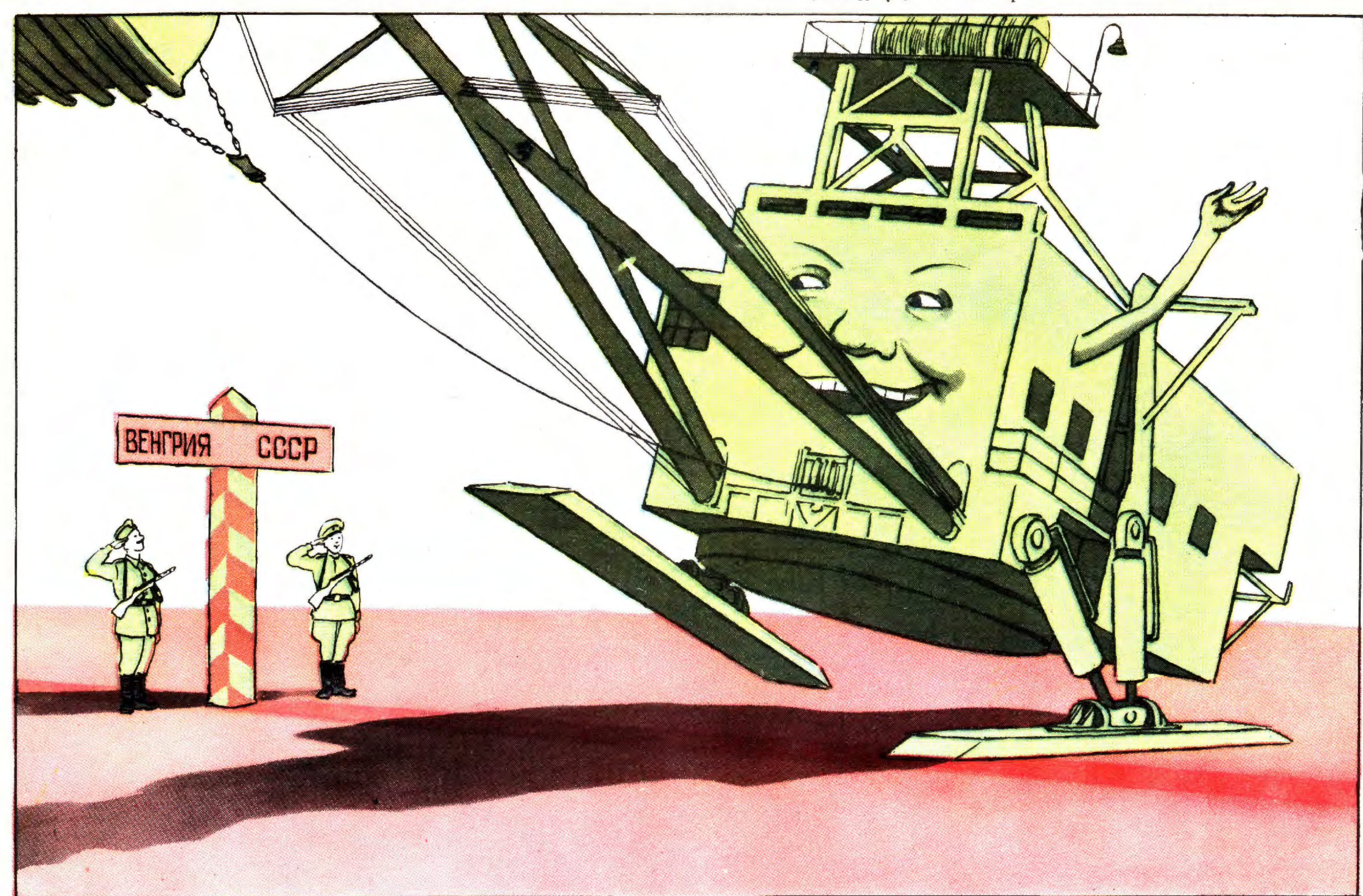
№ 25 (1315) МОСКВА 10 СЕНТЯБРЯ 1952 ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

— Этот план спутал все наши карты.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

Большие работы развернулись на одной из крупнейших строек социализма в Венгрии — в Тиссалэк.

Большую помощь строителям оказывает Советский Союз. Недавно на строительстве начали применяться шагающие экскаваторы.

Перешагнул границу.

Ещё кланяемся!

МОСКВА, ЧИСТЫЕ ПРУДЫ, 6.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Заместителю министра
тов. Арсеньеву А. М.

Уважаемый Александр Михайлович!

Вы, конечно, читали повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». Вы от души смеялись над выжившей из ума генеральшей и над её сыном, отставным полковником, увидевшим в Опискине не продувную бестию и невежественного болтуна, каким он был, а человека редчайших душевных качеств и великой учёности.

— Чудаки! — восклицали вы, перелистывая страницы повести. — Только в усадебной патриархальной глуши могли произрастать такие экземпляры! Не нужно быть инженером человеческих душ для того, чтобы понять, что Фома Фомич Опискин — просто-напросто карикатурный тип, а не светоч знания, не благородный гидальго, а обманщик и плут, не труженик, а лодырь, не друг человечества, а нахальный захребетник.

Вы, Александр Михайлович, следуя традиции смотреть в корень вещей и извлекать жизненные выводы из прочитанного, рассуждали так:

— У нас на Чистых прудах, слава богу, люди достаточно зрелые и умеют разобраться, кто перед тобой: сосуд скудельный или светильник разума...

А в то время, как вы, Александр Михайлович, снова перечитывали страницы русской классики и смеялись над наивными обитателями села Степанчикова, в это время по необъятным просторам РСФСР кочевал с путёвкой из вашего министерства духовный правнук незабвенного Опискина и сеял свои плевелы на ниве просвещения, ссылаясь на авторитет вашего учреждения, на ваше имя.

Он, конечно, не носит одиозной фамилии Опискина. Попробуйте найдите такого плута, который избрал бы себе эту фамилию! Нет в наше время обманщиков, носящих имя Хлестакова, нет и прекраснодушных либералов, присвоивших себе фамилию Манилова...

Герой нашего письма — Кузьма Николаевич Свириденков.

Поищите в делах министерства приказ о зачислении гражданина с этой фамилией на должность заместителя директора и заведующего кафедрой физики и математики учительского института в городе Бугульме с окладом 4 500 рублей в месяц и посмотрите подпись под этим приказом. Чья она, эта подпись? Ваша, уважаемый заместитель министра, ваша подпись. С прискорбием мы должны сообщить, что вы оказались в положении прекраснодушных и сверхдоверчивых обитателей села Степанчикова и дали путёвку в жизнь дремучему невежде и обнаглевшему проходимцу.

Поддельные документы были у Опискина, то бишь у Свириденкова! И выписка из протокола заседания Учёного совета Московского государственного педагогического института о присвоении Свириденкову учёной степени кандидата физико-математических наук — фальшивая бумажонка, и выписка из протокола Высшей аттестационной комиссии об утверждении Свириденкова в учёном звании доцента — филькина грамота. Он оперировал копиями. Он пускал в ход копии с копий. Подлинников у него не потребовали при назначении на работу. Вы, Александр Михайлович, поверили всему, что было сказано самим Свириденковым.

Справедливости ради надо сказать, что до Министерства просвещения Свириденков подвизался в другом ведомстве: около трёх лет он заведовал кафедрой физики в медицинском институте города Станислава. Директор этого института тов. Антонов держал Кузьму Николаевича в своём институте до той поры, когда сам заведующий кафедрой решил переменить климат Закарпатья на природу Татарии. Антонов снабдил уезжающего доцента похвальной характеристикой: «Политически развит, идеологически выдержан, честен и исполнителен». Одну из главных заслуг доцента директор видел в том, что Кузьма приобрёл для кафедры инвентарь. Конечно, покупка стула или метлы требует от покупающего высокой степени кандидата наук и не менее высокого звания доцента!

В Бугульме управляет учительским институтом Валентин Владимирович Редкин. Обаятельный человек! Он, товарищ Арсеньев, следует вашей методе в подборе кадров. Он было попросил у пришельца официальные бумаги, но тут же с чисто маниловской деликатностью извинился:

— Простите, Кузьма Николаевич, я, кажется, наступил вам на ногу...

И, избавив своего гостя от излишних формальностей, с места в карьер зачислил его на должность заместителя директора и заведующего кафедрой.

Да и как же было Валентину Владимировичу поступить иначе, когда гость из Москвы веско заявил:

— Направлен к вам в Бугульму самим Александром Михайловичем Арсеньевым!

В Бугульме Свириденков пробыл год. «Им,— выражаясь словами поэта, — овладело беспокойство, охота к перемене мест (весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест)». Не по своей воле метнулся «кандидат» и «доцент» с волжских берегов на далёкий Алтай: могучий инстинкт самосохранения погнал его через глубокие реки и горные хребты и заставил даже переменить свою фамилию. В городе Бийске Свириденков именовал себя иначе: Хвефаденков. И был он в этом городе уже не заведующим кафедрой, а занимал должность преподавателя в школе рабочей молодёжи. Ему даже пришлось заняться изобретательством по мошеннической части: он подделал такие документы, как паспорт, как военный билет.

Извещаем вас, Александр Михайлович, что в городе Бийске и закончилась научная карьера К. Н. Свириденкова (Хвефаденкова). Далеко от Москвы произошло это событие, но мы сочли необходимым поведать о нём для того, чтобы на Чистых прудах в столице сделали из этого урока соответствующие выводы для будущего.

Примите и прочее.

Крокодил

КАК НИ СТРАННО, НО...

...в романе Г. Свирского «Здравствуй, университет!» (журнал «Октябрь» № 1 за 1952 год, стр. 16) сказано о том, что

профессор Горелов-Казанский «высвободил (из-под простыни) короткую, с круглыми ЛОКТЯМИ, руку».

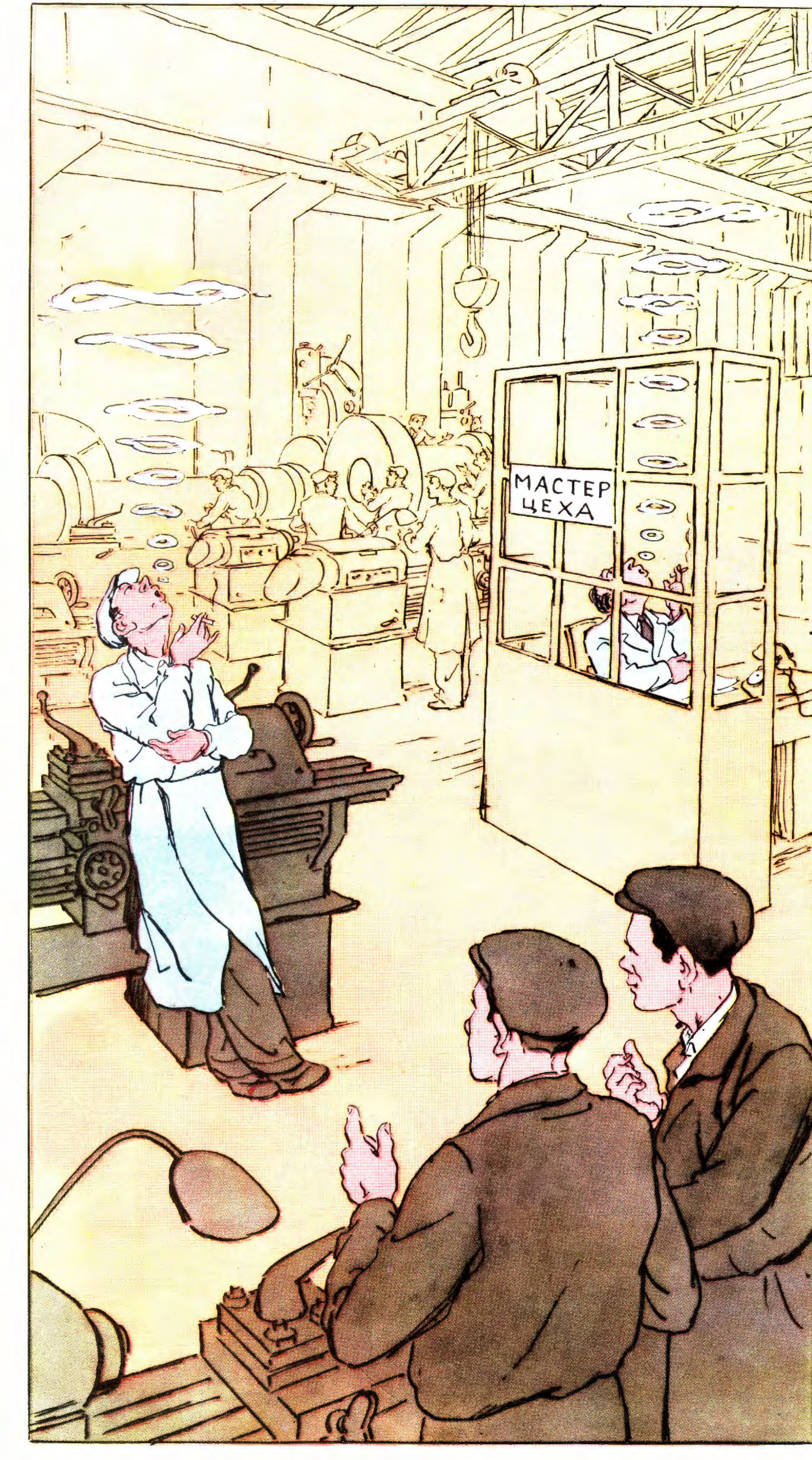
По всей вероятности, один локоть принадлежал Горелову, а другой — Казанскому.

Автор и редактор, повидимому, считают, что у человека с двойной фамилией должны быть и двойные локти...

ДЫМ СТОЛБОМ...

На некоторых предприятиях имеют место случаи, когда инженерно-технические работники и мастера допускают нарушения трудовой дисциплины и не служат примером для рабочих.

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Здорово он выпускает эти «детали»!
— Ещё бы, ведь он использует опыт мастера!

Д. БЕЛЯЕВ

К вопросу о репутации

Представьте себе следующее.

Идёт честный человек по улице и видит, как жулик через окно тащит чьи-то вещи. Честный человек кричит:

— Держите вора!

На этот крик сбегаются находящиеся поблизости блюстители порядка. Спрашивают честного человека:

— В чём дело, почему кричите?

Честный человек подробно и доказательно объясняет, как он шёл по улице, как увидел вора, как позвал на помощь.

Блюстители порядка выслушали честного человека, покачали головами, посудили, порядили и молвили ему:

— Вы, гражданин, задержаны за нарушение общественного спокойствия, следуйте за нами.

А вору любезно и милостиво заявили:

— А вы, уважаемый, свободны. Извините за беспокойство.

Невероятно?

Невероятно.

Однако нечто подобное и более невероятное произошло в Калининском районе Москвы.

Есть в этом районе коммунальный трест. В тресте есть так называемые Дангауэровские бани. О тресте и о банях долгое время шла недобрая слава. И вот к руководству трестом пришёл старый коммунист А. И. Крашенинников. Пришёл и установил, что подмоченная репутация Дангауэровских бань находится в прямой зависимости от подмоченной репутации инженера треста Суханова, директора бани Королёва и завхоза Тихого. Посредством разных махинаций эти жулики присвоили несколько тысяч рублей государственных денег и принесли большие убытки банному хозяйству.

Тов. Крашенинников установил это, три комиссии подтвердили, и материалы были отправлены в районные организации и в следственные органы.

Вскоре тов. Крашенинникова вызывают в исполком райсовета. Он идёт туда с чувством удовлетворения, думая, что ему пожмут руку и скажут: «Молодец! Вы сделали хорошее дело, разоблачили жуликов, избавили нас от людей, посягающих на социалистическую собственность».

И вот он приходит в исполком райсовета. И там ему говорят:

— Вы освобождены от должности управляющего районным коммунальным трестом как не обеспечивший руководство и использовавший служебное положение в личных целях.

В подтверждение чего вручают решение, подписанное председателем исполкома тов. Крюковым.

Что, где и когда не обеспечено? Какое служебное положение использовано, в каких личных целях?

Тщетно было искать в решении исполкома ответа на эти вопросы.

А жулики?

Жулики спокойно продолжали и дальше греть руки за счёт Дангауэровских бань.

Не успел тов. Крашенинников опомниться от такого оборота дела, как его вызывают в райком партии.

«Ага, — думает он, — вот где меня защитят, вот где по-партийному разберутся во всём! А разобравшись, скажут: «Идите, товарищ Крашенинников, и работайте. Вы поступили правильно, проявили принципиальность и непримиримость в борьбе с расхитителями государственных средств».

С этими думами он и пришёл в райком партии. И в райкоме ему сказали:

— Вы исключены из партии и сняты с работы.

А жулики?

А жулики, сумевшие оклеветать тов. Крашенинникова, как ни в чём не бывало, продолжали творить свои грязные дела в Дангауэровских банях.

Оставим пока на совести бывшего секретаря райкома тов. Орлова то обстоятельство, что он поверил людям с подмоченной репутацией и опорочил репутацию честного коммуниста тов. Крашенинникова. Скажем только, что последний оказался куда принципиальнее некоторых партийных и советских руководителей Калининского района.

Оклеветанный, исключённый из партии, оставшийся без работы, тов. Крашенинников всё-таки сумел доказать, что Королёв и Тихий — жулики, а он, Крашенинников, — честный человек. Народный суд приговорил Королёва и Тихого к лишению свободы: первого — на 12 лет, второго — на 10 лет.

А ещё месяцем раньше бюро МГК ВКП(б) отменило решение райкома о тов. Крашенинникове, восстановило его в партии и на работе, указало райкому на ошибку.

Всё?

Нет, не всё.

Узнав о решении МГК ВКП(б), тов. Крашенинников пошёл в райком, в райисполком. Идёт и думает:

«Ну, уж теперь-то районные руководители извинятся и скажут: «Добро пожаловать! Хвалим за принципиальность. А нас извините: ошиблись. Возвращайтесь на свой пост и действуйте».

Но что это? Тов. Орлов хмурится, тов. Крюков сердито морщится. И оба говорят что-то невнятное, неопределённое: «М-да, конечно, вы реабилитированы... Ваша репутация, разумеется, тово... Но всё-таки...»

И вот это «всё-таки» приобрело затяжное действие. Крашенинникова долгое время не допускали к исполнению служебных обязанностей. Препятствовали ему получить делегатский билет на районную партконференцию, хотя он вполне законно был избран делегатом на эту конференцию. Наконец утвердили тов. Крашенинникова на его прежнем посту, и... снова началась невообразимая чехарда. Снова сбор клеветнических материалов, следствия, обыски. На этот раз деятельное участие в подготовке «реванша» принимает второй секретарь райкома тов. Карманов.

Архип Иванович Крашенинников переходит на работу в другой район. Не успел он оглянуться, как вслед за ним летит «характеристика», мягко выражаясь, порочащая его и как коммуниста и как работника. «Характеристику» подписал бывший второй секретарь райкома, ныне председатель Калининского райисполкома, тов. Карманов.

Словом, из чувства ложной обиды за свою репутацию районные руководители никак не хотели примириться с тем, что местный «возмутитель спокойствия» взял верх в затянувшемся споре.

Они спутали понятие о настоящей репутации с ложным представлением о «чести мундира»...

В дело вынуждена была вмешаться партколлегия МК ВКП(б), решением которой коммунист Крашенинников реабилитирован и его репутация восстановлена.

Так в конце прошлого года закончилась трёхлетняя история.

Прочитают эти строки товарищи, упоминаемые выше, и разведут недоуменно руками:

— Ну и хорошо, раз в 1951 году история закончилась. А теперь уже осень 1952 года, зачем же понадобилось писать спустя полгода! Мы уже давно забыли об этой истории.

Вот и плохо, что забыли. Поэтому мы и решили напомнить о том, что вместе с историей забыт и коммунист тов. Крашенинников.

Больной, без работы, он полгода ждёт, что кто-нибудь из партийных или советских руководителей района вспомнит о нём, позовёт его и...

...И, увы, тщетны эти ожидания!

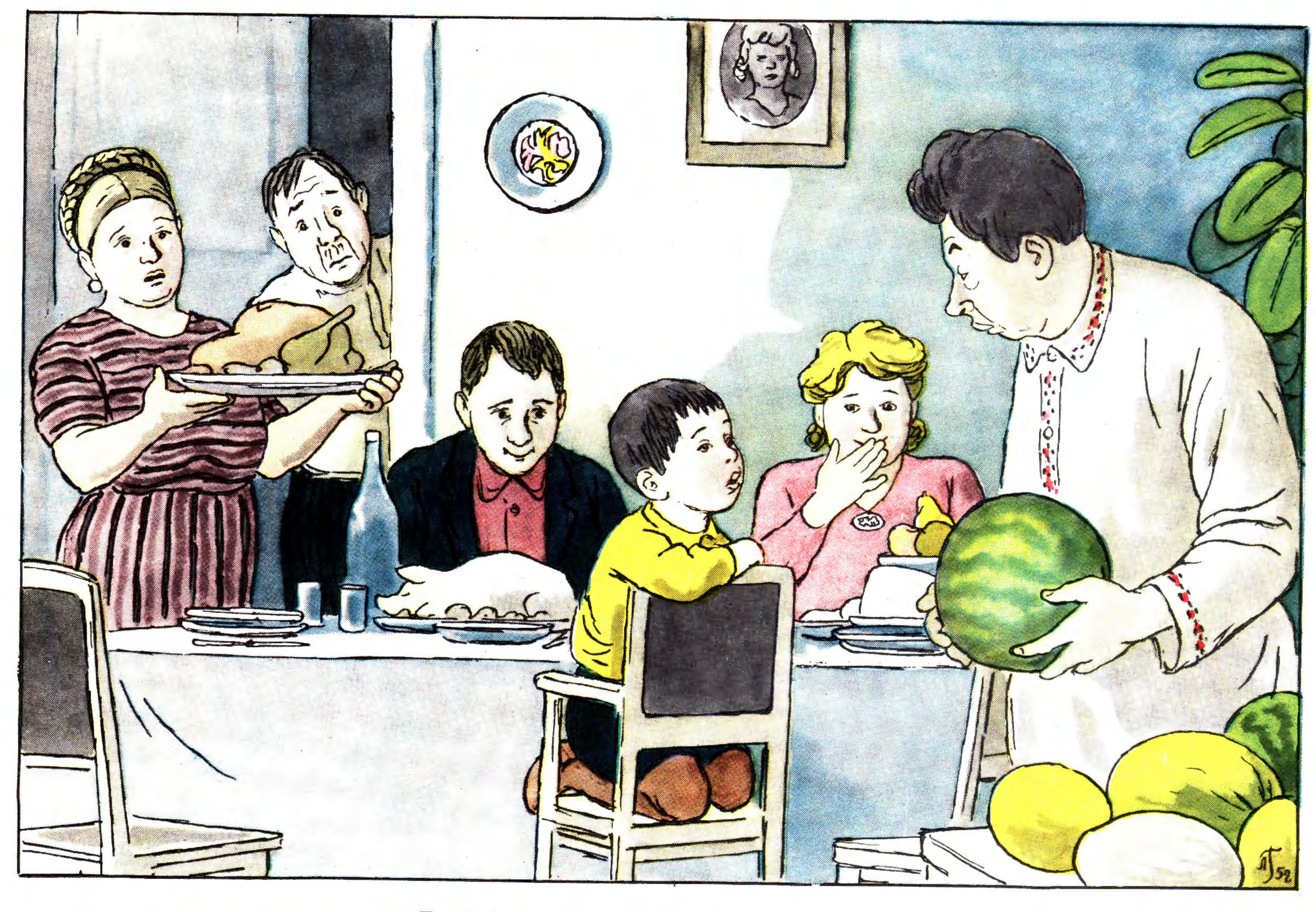
Рис. В. ЛОСИНА

— Это — очень хорошее решение!

— Недаром в этом году его принимают уже четвёртый раз...

Рис. Л. ГЕНЧА

— Папа! Ты ездил в колхоз на ревизию! Да!

ДУЖЕНКОВ БИЧУЕТ И КАЕТСЯ

На трибуну взошёл товарищ Дуженков. Приложив руку к сердцу, он с надрывом сказал:

— Критиковали меня правильно. Говорю открыто: заслужил. Я и семь моих заместителей работаем крайне плохо!..

Оратор долго каялся и бичевал свои пороки. Речь он закончил страстным призывом:

— Критикуйте меня, товарищи! Не жалейте!

Потом оратор покинул трибуну. Весь облик начальника Чкаловского областного управления сельского хозяйства выражал благородное раскаяние. Он как бы говорил: да, друзья, я глубоко виноват! Мне стыдно и больно! Но что поделаешь! Пусть же огонь критики испепелит все недостатки вверенного мне учреждения!..

Объективно говоря, недостатков в управлении сельского хозяйства немало. Много лет начальнику управления указывают на то, что руководство управления оторвалось от жизни. Связь с местами осуществляется посредством бумаг. Обыкновенные канцелярские бумажки Дуженков наделяет чуть ли не мистической силой. Кстати, бумажки, идущие из районов, такой силы не имеют. Просьбы, сигналы, жалобы с мест пропадают в управлении, словно камень в омуте. Критикуют областное управление и за то, что оно плохо борется за высокую культуру сельского хозяйства и нередко сдерживает осуществление жизненно важных начинаний. И ещё за многое осуждают его. И всегда на все речи он отвечает покаянными тирадами и мольбами обрушить на его голову новые критические удары.

В мае прошлого года на пленуме обкома партии резко критиковали сельскохозяйственное управление за бюрократизм. Тов. Дуженков поднялся на трибуну и сказал:

— Мы пришли к выводу: у нас ещё очень много бюрократизма! Бумажный поток заслоняет живую связь аппарата областного управления с МТС и районами. В управлении порочный стиль...

И, как всегда, речь начальника управления была завершена громогласной просьбой:

— Пожёстче критикуйте меня, товарищи!

Осенью того же года на пленуме обкома снова чрезвычайно нелестно отзывались о деятельности Дуженкова. И он опять поднялся на трибуну.

— Товарищи!— сказал Дуженков.— Я вполне согласен с критикой. Плохо работает начальник управления сельскохозяйственной пропаганды, плохо работают заместители начальника, но ещё хуже работает начальник над этими начальниками, то есть я, Дуженков!

Затем снова начались слёзные мольбы критиковать его посильнее.

Публичные покаяния стали неотъемлемой частью деятельности начальника управления. Несмотря на эмоциональный тон речей, на слезу, на биение в грудь и прочие драматические эффекты, подобного рода выступления не слишком ранят душу начальника. Это его будни. Публично покаяться для него не труднее, чем поставить подпись под каким-нибудь тысячным приказом.

Двадцать раз выступал Дуженков за последние три года по поводу создания прочной кормовой базы для общественного животноводства. Двадцать раз бил себя в грудь. Двадцать раз обещал исправить положение. Но после каждого покаяния ничего не менялось на колхозных лугах и пастбищах. Так же ничего не изменилось и в управлении после таких самообличительных речей о бюрократизме. Если в 1951 году из недр управления вышло около тысячи приказов, то в 1952 году — в два раза больше! Но дело не только в количестве. Вот приказ № 4-444. Он требует обеспечить вылов карпов в прудах Домбаровского района. В районе получили директиву и... рассмеялись. Здесь никогда не ловили и не ловят карпов, так как в местных водоёмах они не водятся.

Надо полагать, что Дуженков и тут не преминет быстро признать свои ошибки. Мы видим, как он поднимается на трибуну, и слышим его самокритический речитатив:

— Товарищи, по линии карпов мы допустили серьёзные ошибки! За карпов нас надо бить, не глядя на лица. Ударьте же нас, товарищи, покрепче!

В последнее время тов. Дуженков решил не ограничивать свою покаянную деятельность рамками устных выступлений. Он написал в областную газету «Чкаловская коммуна» статью, в которой было сказано буквально следующее: «Областное управление сельского хозяйства во главе со своим начальником работает из рук вон плохо...»

...Не сомневаемся, что и на этот раз тов. Дуженков останется верен себе и поспешит прислать нам письмо:

«Правильно меня критикуете, товарищи, за то, что я не понял критики и некритически отнёсся к критическим выступлениям!..»

С. КУЗМЕНКО

г. Чкалов.

Барабинская дичь

Районы Барабы занимают особое место на земле сибирской. Географы насчитывают здесь несколько тысяч больших и малых озёр, займищ, болот. Зоологи в своих трудах перечисляют до ста различных видов водоплавающей и болотной птицы — от бекаса до розового пеликана и лебедя.

Пылкая фантазия охотника без труда дорисовывает весенние и осенние картины здешних мест — гусей крикливых караваны, стаи жирной кряквы, шилохвости и другой дичи, которой несть числа.

Не удивительно, что человек, приезжающий в Убинское, Каргат, Чаны и другие пункты этого озёрного края, требует в столовых и чайных дикую птицу во всех её кулинарных вариантах. Но в длинном перечне однообразных блюд нет и намёка на неё. Говядина, солонина, различные каши — что угодно, только не дичь!

Посетитель видит из окна обеденного зала водоёмы, на гладкой поверхности которых резвятся стаи диких уток и гусей. Повар мог бы проводить заготовки дичи без отрыва от плиты.

Но ответ официанток неизменен:

— Дичи не держим!

То же самое в магазинах Новосибирска: покупатели уже несколько лет подряд настойчиво допрашивают продавцов:

— Когда будет в продаже дичь?

— Наша система этим продуктом не торгует,— холодно отвечают и в «Гастрономе» и в Горпищеторге.

Нет дичи даже в лучших ресторанах города.

А ведь ещё не так давно Бараба давала чуть ли не половину всей дичи, заготовлявшейся в нашей стране. Что же случилось? Может, пернатые разгневались на сибиряков и изменили привычную трассу своих весенних и осенних перелётов?

Не получая внятного ответа на этот вопрос от рядовых работников торговли и общественного питания, потребители обращаются к руководящим товарищам.

Заместитель председателя облпотребсоюза, он же начальник управления заготовок, К. Е. Савченко имеет по сему поводу две точки зрения. Как должностное лицо, он считает, что заготовка дичи не под силу потребительской кооперации: не хватает, мол, снаряжения, холодильников, нет специалистов. К тому же на этот счёт не имеется прямых директив Центросоюза.

Вторая точка зрения тов. Савченко, как частного лица, выявляется, когда речь заходит о его личном охотничьем опыте.

— Чудесный край — Бараба!— восхищённо говорит он.— Был я прошлой осенью в селе Кукарка, может, слышали? А рядом Баганские озёра. Дичи — черным-черно! Иной стрелок за зорьку полсотни уток нахлещет и ещё рыбки на ушицу успеет наловить. Благодатная земля!

— А сколько всё-таки на этой земле можно дичи заготовить?

— Сколько угодно! Тысяч сто, а то и двести!

В областном Обществе охотников в эту цифру вносят существенную поправку:

— В 1931 году в Барабе было заготовлено около двух миллионов штук дичи. А разве её сейчас там меньше стало?

В длинных охотничьих рассказах на этот раз нет ни капли вымысла. Каждую весну и осень из Новосибирска и других мест области выезжают на охоту несколько тысяч человек. И многие возвращаются с обильными трофеями.

В эти времена года в районных центрах Барабинской степи разыгрываются трагикомические сцены. В двери заготовительных баз яростно стучатся люди, увешанные с ног до головы битой птицей. Они слёзно просят принять хоть часть добычи: не выбрасывать же! Но кооператоры неумолимы: «Приёма дичи нет!»

Охотники не в почёте не только у кооператоров. Под недреманным оком новосибирских организаций чахнет и хиреет само областное Общество охотников. Его правление судорожно цепляется за доходы от каких-то совсем не охотничьих промыслов, вроде рисования вывесок и моментальных фотографий. На балансе с угрожающей быстротой нарастают цифры убытков. «Заботами» правления ликвидированы почти все базы на угодьях.

Иной раз в правлении, как выстрел на заре, раздаётся критическое выступление какого-нибудь охотника. С искренним гневом говорит он о бесполезных палах, которые безнаказанно производятся в ряде районов и колхозов. Огонь гуляет по займищам, уничтожая сотни тысяч утиных гнёзд, нанося огромный урон одному из богатейших охотничьих районов страны. Но правление Общества глухо. Оно не принимает никаких мер и не требует их от областных и районных организаций.

Кстати сказать, Общество могло бы многое сделать для заготовки и продажи дичи населению. Тем более, что в его рядах есть такие опытные специалисты, как, например, И. Н. Коновалов. Последний уже давно решил ряд вопросов хранения битой птицы.

Между прочим, тов. Коновалов отнюдь не делает секрета из своего опыта. Наоборот! Он долго обивал пороги многих учреждений и даже написал специальную «Памятку для охотника по консервированию, хранению и перевозке водоплавающей и боровой дичи». Он взывал к торговым и заготовительным организациям с общественной трибуны — со страниц областной газеты «Советская Сибирь». Но никто не внял ему, как не внемлют здесь и другим опытным охотникам, ратующим за полезное дело.

...Окончился весенний охотничий сезон. Много стрелков выезжало на луга и озёра. Обильна была их добыча. И лишь кооперативные ягдташи остались, как обычно, пустыми.

Быстро прошло короткое сибирское лето. Наступило время, к которому многие сибиряки приурочивают свой очередной отпуск. Они заранее готовились к нему, запасая порох, дробь и различную снасть.

Не ждут этой золотой поры только в торговых и заготовительных организациях. Там просто пробуют всякую дичь, когда с ними заговоришь насчёт птицы в Барабинской степи...

Д. ЗОЛОТОВ

Новосибирск.

Киевская обувная фабрика № 4 выпускает бракованную продукцию.
(Из письма в редакцию.)

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Директор фабрики:— Почему нет покупателей!
— Потому что им, кроме нашего отличного обслуживания, нужно ещё отличное качество вашей продукции.

Михаил ЭДЕЛЬ

Земляк

Должно же было случиться, что вновь назначенный директор завода Алексей Алексеевич Полуэктов оказался земляком и другом юности экономиста производственного отдела Клещикова!

Об этом экономист доверительно сообщил своему начальнику, тихому и аккуратному Виталию Борисовичу:

— Алексей без моего совета шагу не делал. Какой был умница! Смешно вспомнить, но Алёша Полуэктов обожал парную баню и ледяной квас. Вы поверите?..

Однако это сообщение не очень потрясло Виталия Борисовича. Начальник неопределённо кивнул головой, пригладил пробор на седой голове, снял телефонную трубку и, как ни в чём не бывало, стал разговаривать по телефону.

«Старый сухарь! Никаких чувств! — подумал Клещиков.— Чудак! В самом деле, не каждый же день директором завода оказывается твой старый друг и товарищ!»

В коридоре заводоуправления Клещиков наткнулся на завхоза, пугливого и суетливого Келейкина.

— Сильвестр Петрович,— поманил Клещиков завхоза.— Я вам желаю добра. Стройте немедленно персональную баню для нового директора. Алексей Алексеевич — мой друг с малых лет. Также советую подыскать специалиста по квасу. Действуйте. Не задавайте мне лишних вопросов! Потом будете благодарить.

Оставив завхоза осмысливать новую задачу, Клещиков помчался дальше. Калькуляцию и расчёты стоимости круглой и листовой стали экономист оставил в покое. Не до этого. Взыграли мечты. Давние, глубоко затаённые... Клещиков стал горд и рассеян. Чтобы помочь своему подчинённому привести себя в чувство, тихий Виталий Борисович объявил ему выговор с предупреждением за необоснованное повышение стоимости рессорной стали в квартальном отчёте.

— В такое время и такое взыскание! — воскликнул экономист.— Посмотрим!..

Наконец приехал Полуэктов.

В кабинете директора с утра находился парторг завода Бурилов. В приёмной собрались начальники цехов. Пережидать всех Клещикову было невмоготу. Влекомый неведомой силой, Клещиков с ходу бросил секретарю директора, уже немолодой и педантичной Агнии Филипповне:

— Я к Алексею!

Агния Филипповна сделала было рывок, чтобы ухватить за пиджак экономиста, но Клещиков уже скрылся за дверью директорского кабинета.

У широкого окна Клещиков увидел Полуэктова. Правда, на голове друга юности явно отсутствовала густая, в прошлом каштановая шевелюра и заметно округлилась когда-то стройная фигура, но это был он, Алёша Полуэктов.

Дальше всё шло, как полагается: рукопожатия, душевные вопросы, на которые следовали всем нам хорошо известные ответы: «Ничего!.. А ты как? Скажи, пожалуйста!»

Парторг Бурилов, наблюдая лирическую сцену, соответственно улыбался. Но когда Клещиков уселся в кресло и пошёл по линии развёртывания мемуаров, Бурилов нахмурился и шепнул ему:

— Начальники цехов ждут. Зайдёте в другой раз.

Клещиков вышел в приёмную и оглядел руководителей цехов с многозначительной улыбкой.

Открытое пренебрежение к тому, что он, Клещиков, был принят новым директором одним из первых, явно задело экономиста, но Леонид Власович быстро успокоился: главное впереди, они ещё узнают, каков Клещиков!

— Меня двенадцать лет затирали! — сказал экономист своей жене.— Ничего, Алексей разберётся. Пусть на первое время назначит меня хотя бы заместителем этого сухаря Виталия Борисовича. А там увидим!

— Именно, увидим,— неопределённо ответила жена, не очень убеждённая в талантах своего супруга.

Неожиданно Полуэктов захворал. Клещиков встревожился. До этого он уже раза два успел побывать в доме директора и был там радушно принят. Младшая дочь Полуэктова, второклассница Ляля, поспешила поинтересоваться у папиного товарища:

— Верно, что папа учился только на пятёрки, или он хвастает?..

Вечером на квартире захворавшего Полуэктова нежданно появился медицинский авторитет города, главный врач железнодорожной больницы Русов.

— Доктор, очень рад познакомиться... Но я не тревожил вас. Я почти здоров. Просто насморк,— оправдывался Полуэктов.

— Не знаю... Мне настойчиво звонили из вашего заводоуправления... Ну-с, раз уже я здесь, позвольте послушать вас.

Вслед за доктором к дому подкатила машина, и из неё заводской шофёр, медсестра и санитарка с трудом извлекли сложный агрегат для облучения директорского носа.

— Кто послал? Кто приказал? — не понимая, спрашивал Полуэктов по телефону дежурного врача заводской поликлиники.

— Звонили из заводоуправления,— ответил врач.

В это самое время Клещикова пригласил к себе заместитель директора, вежливый и обходительный Берёзов.

— Объявляю вам, дорогой Леонид Власович, ещё один выговор за небрежность при составлении важных документов. Не исправитесь, вынуждены будем расстаться. Вот так,— любезно закончил заместитель директора.

— С ума сошли! Меня двенадцать лет затирали, а теперь ещё задумали расправиться! Боятся, чтобы я не стал правой рукой Алексея. Я им покажу!

Первым к выздоровевшему директору явился начальник хозяйственного отдела Карамышев, человек, умеющий видеть насквозь.

— Я хотел бы уточнить, Алексей Алексеевич,— улыбаясь, сказал Карамышев,— баню строить с парной или без оной? Специалиста по квасу Келейкин уже раздобыл...

Немедленно вызванный Келейкин торжественно вошёл в кабинет директора с большим графином изюмного кваса в одной руке и с проектом персональной бани в другой и восторженно оглядел Полуэктова и Карамышева. Но, почуяв что-то недоброе, немедля стал отмежёвываться от Клещикова.

— Ещё угрожал снять меня с работы! — фантазировал перепуганный завхоз.— Я ему говорю: «Бани — это же пережиток, когда имеются персональные ванны».

Полуэктов и Карамышев всё же отведали изюмный квас. После дегустации Келейкину было указано: производство кваса продолжать, но передать его в ведение орса. А о бане категорически забыть.

Тут же к Полуэктову был вызван и Клещиков. Леонид Власович охотно откликнулся на зов директора: «Наконец-то!»

— Ты как будто похудел? — дружелюбно заметил Полуэктов.— Садись.

Наступил долгожданный момент исполнения затаённых мечтаний рядового экономиста производственного отдела.

— Знаешь, Алексей, меня здесь двенадцать лет затирают,— скромно начал Клещиков.— Ты же знаешь меня... Но они продвигают только своих. Ты понимаешь... Только своих.

— Это нехорошо,— сказал Полуэктов.— Очень нехорошо! Вот этого я никогда не делал и делать не буду. Правильно?

— В основном, конечно,— выдавил Клещиков, тревожно глянув на друга детства. Но продолжал тем же обиженным тоном: — Почему они меня не продвигают?! Потому, что я принципиален. Я не подхалимствую, не угодничаю...

— И правильно делаешь,— заметил Полуэктов, поставив пресс-папье на ребро.— Кстати, я понимаю, что ты действовал от души, без задних мыслей. Но, к слову сказать, проект бани, кварц на дом и прочее... Ведь это — явное подхалимство. Верно? Я думаю, что о здоровье директора есть кому побеспокоиться, помимо экономиста производственного отдела. Зачем тебе этим заниматься? Кроме того парную баню я уже давно не воспринимаю. К сожалению, не то сердце...

Клещиков понял, что вспыхнувшая надежда сделать карьеру явно гаснет. Надо перестраиваться, пока не поздно.

— М-да... Как иногда получается! — вздохнул Клещиков.— Учились вместе, я даже несколько лучше тебя, но ты директор такого гиганта, а я только рядовой экономист... И, главное, помочь мне никак не можешь, а может, не хочешь? А?

— Когда-то я реально хотел помочь тебе... Помнишь, я предлагал тебе приехать на один завод, который по тем временам строился не в очень жизнерадостных условиях? Ты мне убедительно ответил: «Я, Алексей, не приспособлен к преодолению немыслимых трудностей. Мне бы уютную квартирку на солнечной стороне, жениться на Тане и ездить с удочками на лоно природы!..» Ну вот, всё это у тебя есть. Верно? Чего же более?

— Хорошо! Я проглядел перспективу! Допустим. Но твои помощники за один месяц объявили мне два выговора. Это как называется? И я тебе объясню, почему! Потому, что я...

— Не надо объяснять,— уже вполне серьёзно сказал Полуэктов.— Мои помощники, честно говоря,— в некотором роде либералы. Я на их месте вовсе освободил бы тебя от работы. Освободил бы за недопустимое отношение к своим обязанностям в связи с кварцем, квасом, баней и прочим. Вот так.

Клещиков встал и, не глядя на Полуэктова, гордо произнёс:

— У меня больше нет вопросов.

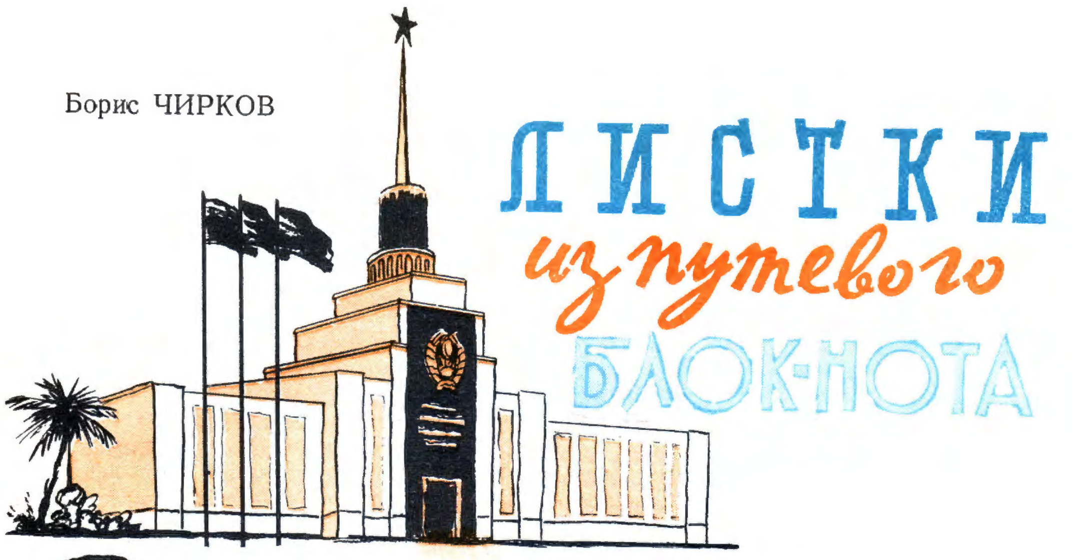
— У меня тоже,— сказал директор завода.

Чтобы успокоить клокотавшие чувства, Клещиков вышел на крыльцо заводоуправления. Взглянув на звёзды, он бросил в ясное небо:

— Зазнался товарищ Полуэктов! Зазнался!

Борис ЧИРКОВ

ЛИСТКИ из путевого БЛОК-НОТА

В начале этого года делегация деятелей советской кинематографии побывала в Индии, где приняла участие в международном кинофестивале. Автор путевых заметок, народный артист СССР Борис Чирков, был членом делегации.

Женева

В ресторане аэропорта застаём второе (ухудшенное) издание вавилонского столпотворения. Языки и наречия всего мира смешались в общий нестройный гул, — впрочем, с явным английским акцентом. Однако эту говорильню перекрывает отчаянное и, я бы даже сказал, маниакальное тиканье часов. Одни часы висят, другие лежат, третьи стоят, но все ходят. Большие и маленькие, дорогие и дешёвые, красивые и безобразные, они бьют, трезвонят, пищат и ухают в положенные часы, а всё остальное время самозабвенно тикают и тикают, причём это тиканье забирается не только вам в уши, но лезет за шиворот и даже в карманы.

Так и кажется, что вы попали в царство времени, управляемое преимущественно часовых дел мастерами. Это, конечно, иллюзия. Что касается Женевы, то город раскупается иностранцами, что называется, на корню. Самой Швейцарии принадлежит уже меньше трёх четвертей всей городской площади.

Первое впечатление от официальной Западной Европы, таким образом, оставляет желать многого. Во всём и на всём печать пришибленности, нервозности и бесперспективности.

Ночью вылетаем из Женевы в Ниццу. Поболтавшись часа три над Альпами, приземляемся... в Женеве. Тут же вылетаем снова на другом самолёте. Приземляемся, выходим из машины и видим огромные огненные буквы: «Женева»... Непогода, видимо, куда сильнее мастерства лётчиков транспортной компании.

Бомбей

По улицам города, как саранча по пшенице, ползают и летают машины новейших американских и английских марок. В Бомбее есть пляж, которым имеют право пользоваться только белые. Сын одного из министров правительства конгрессистов был задержан при попытке посетить пляж со своей белокурой спутницей.

Запоминается огромное, специально выстроенное здание советского павильона на Международной промышленной выставке. Павильон всегда переполнен. Чувствуется, что каждый советский станок, каждая книга, каждый отрез шёлка волнуют индусов, как прекрасная волшебная сказка. Две индусские девочки, осмотрев наш павильон, подошли к одной индуске из высшего света:

— А когда у нас будет так же хорошо, как в СССР?..

Разговор на рынке с индусским мальчуганом:

— Как тебя зовут?
— Хупи.
— Сколько тебе лет? Семь?
— Да.
— А может быть, восемь?
— Да.
— А может быть, шесть?
— Да.

Он просто не знает, сколько ему лет! Что ж поделаешь, не многим индусским детям выпадает счастье учиться в школе.

Днём такая жара, словно попал в раскалённую русскую печь. Жалуемся: очень уж у вас, дескать, жарко. В ответ неодобрительное покачивание головой. Мы обескуражены. Наконец выясняем через переводчика, что индусская жестикуляция имеет значение, обратное нашему. Неодобрительное покачивание головой — да. Резкий кивок головой сверху вниз — нет. Если вам делают знак рукой, подзывая к себе,— имейте в виду, что вам предлагают удалиться; если от вас отмахиваются,— значит, вас просят подойти. Пока привыкнешь ко всему этому, тысячу раз нарушишь правила индийского этикета и даже правила уличного движения. Машины в Индии идут только по левой стороне.

Открытие кинофестиваля в лучшем кинотеатре города — «Нью-Эмпайр». Выходим из машины. Люди отовсюду тянутся к нам, стараются обратить на себя наше внимание.

Обнаруживаем, что супруга американского посла в Индии миссис Боулс успела втереться в оргкомитет фестиваля. Сам мистер Боулс в это время пребывал в Вашингтоне. Супруга, оказывается, взяла на себя дипломатическую миссию представлять на открытии фестиваля американскую киноделегацию, которая запоздала с прибытием.

Вместе с миссис Боулс в «Нью-Эмпайр» прикатил начальник отдела информации американского посольства Тимберлейк. Личность эта очень энергичная, чтобы не сказать больше. При одном только взгляде на мистера Тимберлейка сразу становится ясно, почему наша делегация столкнулась с различными затруднениями, почему реакционные газеты печатают до глупого клеветнические статейки о нашей делегации и о нашей стране.

Миссис Боулс выступает на вечере, посвящённом открытию фестиваля. Чисто мужское выступление с остротами и намёками весьма скользкого характера. Сухая, лет сорока пяти, с лошадиной физиономией и хриплым голосом, она, думается, лучшая помощница своего супруга по части обделывания разных политических делишек. Она острит и острит, а между остротами дипломатически намекает на то, что Америка — самая лучшая страна, а американский образ жизни — самый лучший образ жизни.

Калькутта

Когда-то этот порт считался парадным входом с Запада на Дальний Восток. Теперь это выход с Дальнего Востока на Запад, так сказать, эвакопункт. Те, кого не устраивает слишком жаркий климат в Корее, Малайе или Вьетнаме, убираются восвояси через Калькутту.

Встречаем группу французов. Глубокое и неподдельное разочарование написано на физиономиях этих господ. Любо-дорого посмотреть! Сильное впечатление: офицерский чин с наглухо забинтованной головой. Живо представляешь себе трогательную семейную картину, как, возвратясь домой, этот господин рассадит вокруг себя родных и друзей, пришедших полюбоваться на «героя Вьетнама», и начнёт своё печальное повествование.

Тривандрум

На аэродроме нас так забросали цветами, что мы стали похожи на передвижные цветочные клумбы. Вернее, не на передвижные, а на переносные: нас буквально передают с рук на руки. Полиция долго не может навести порядок. Наконец нас поодиночке разыскивают в толпе и усаживают в машины.

Именно здесь, в Тривандруме, высадился в своё время на индийскую землю Васко да Гама. Вместе с порохом он привёз английского католического миссионера. В настоящее время здешние католики почти совершенно отрешились от божественных тем и безбожно переквалифицировались. Они стараются внушить индусам любовь к Англии и всему английскому, а также ненависть к Советскому Союзу.

Штат Траванкор-Кочин

Заповедник Периар-Лейк. Заповедник занимает несколько десятков квадратных километров. Непроходимые джунгли, раскинувшиеся по берегам искусственного озера, заселены разнообразной фауной. Кстати о фауне. На берегу стоит комфортабельный дом для иностранцев. Дом окружён глубоким рвом, предохраняющим, как сообщил проводник, от нашествия гостей из джунглей. Хотя на самом деле надо и джунгли и зверей охранять от иностранных хищников.

* * *

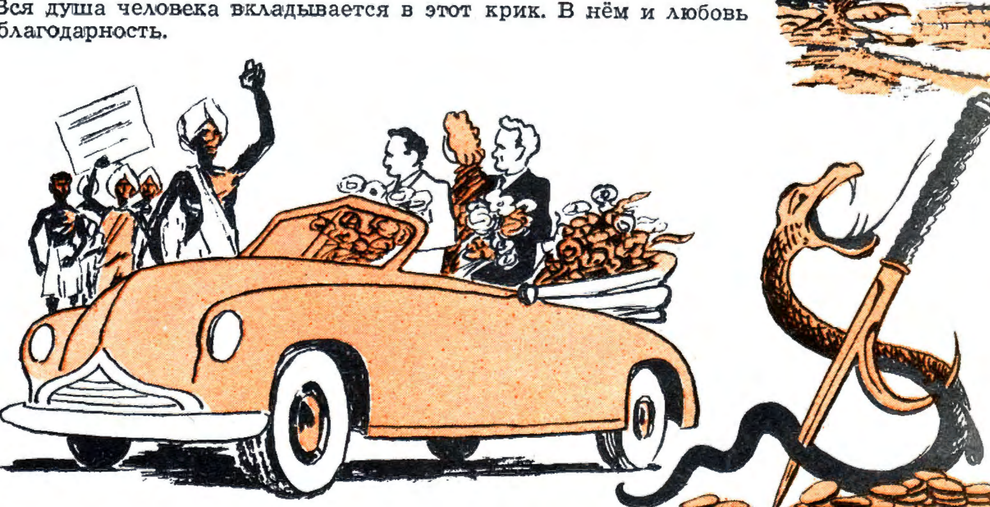
Англичане и американцы создали «теорию вырождения» индусского народа. Наше общее впечатление: страна и народ необыкновенно, гигантски богаты и сильны — и творчески, и физически, и морально.

Ночное небо в Индии громадное и близкое, луна висит прямо над головой, как большой неоновый фонарь. Не доезжая миль десяти до Катаямы, встречаем какое-то селение. На центральной — и единственной — улице горят карбидные лампы. Посреди улицы, загородив нам дорогу, стоит толпа человек в пятьдесят. Шофёр гудит, но люди только плотнее сдвигаются. Шофёр резко тормозит. Крестьяне окружают машину:

— Сталин синда ба! Да здравствует Сталин!

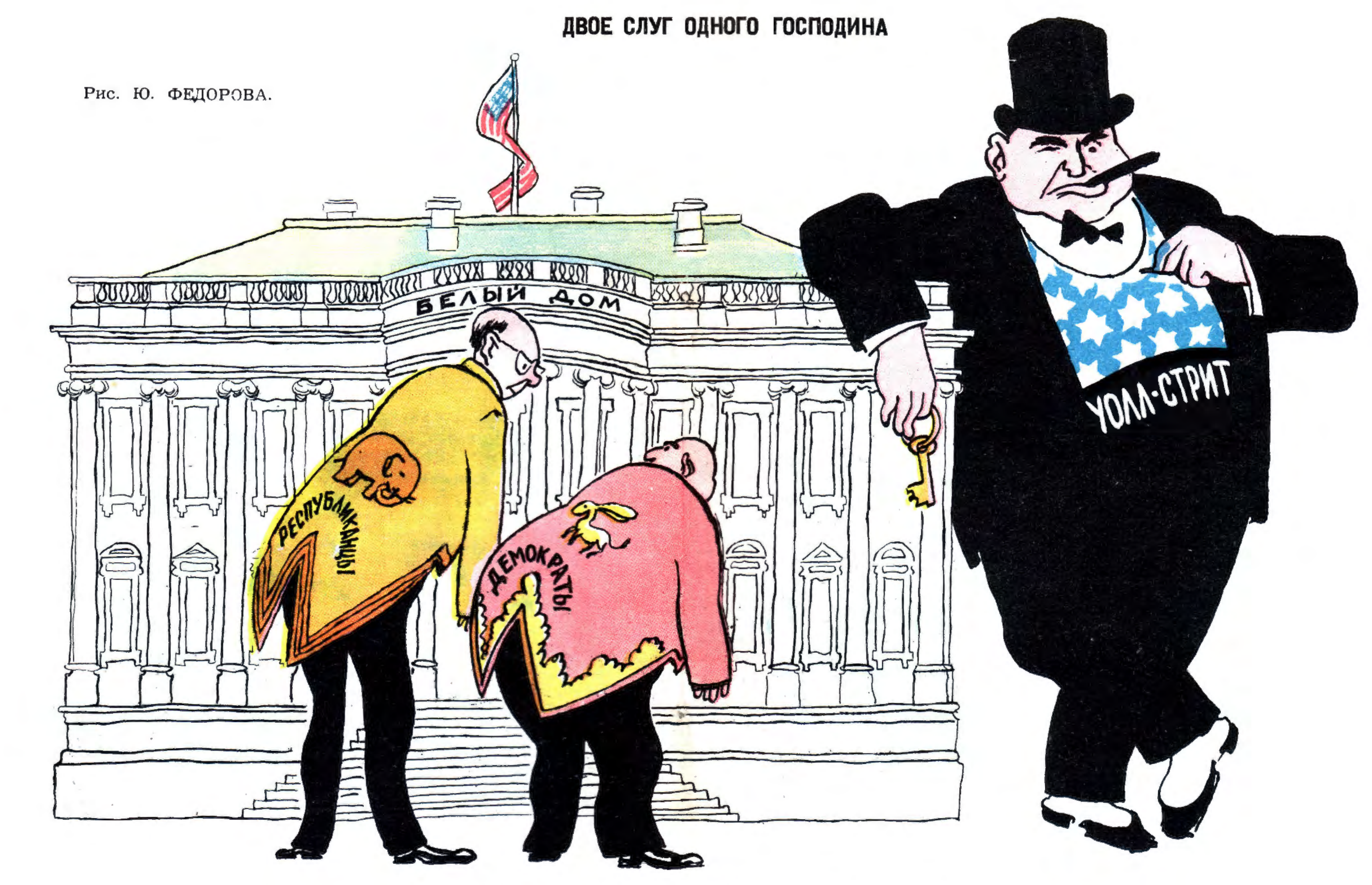
Вся душа человека вкладывается в этот крик. В нём и любовь и благодарность.

ДВОЕ СЛУГ ОДНОГО ГОСПОДИНА

Рис. Ю. ФЕДОРОВА.

— Интересно, кого из нас он выберет к себе в дом!

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Рис. Б. ФРИДКИНА.

— Судя по американским флагам, мы вошли в Японское море.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Военнослужащие американской армии, расквартированные в Западной Европе, бесчинствуют, пьянствуют, терроризируя местное население.

— Кто это тебя так, Джим!
— Вчера «расплачивался» с шофёром такси, а он дал сдачи...

Мистер Ульсен в театре

Мистер Ульсен, потомок воинственных викингов, он же скромный клерк фирмы по продаже недвижимости на 14-й стрит в Нью-Йорке, решил побывать в театре. В килограммовом номере газеты «Нью-Йорк таймс» между рекламами боевиков «Джентльмены предпочитают блондинок» и «Я — фотоаппарат» он прочёл, что на Бродвее идёт премьера — драма Г. Ибсена «Пер Гюнт». Мистеру Ульсену вспомнились базальтовая родина, крики чаек над норвежскими фиордами...

Взволнованный мистер Ульсен добрался до заветного угла 52-й стрит и попал к самому началу спектакля.

— Двадцать долларов,—сказал кассир, проявляя чрезмерную склонность к лаконизму. Мистер Ульсен застонал, но вспомнил чаек, фиорды и то, что последний раз в театре он был десять лет назад, и со вздохом раскрыл бумажник.

Зал оказался почти пустым. Только несколько первых рядов были заняты. Ульсен разыскал своё место и с трудом втиснул себя в кресло, рассчитанное, как ему показалось, на трёхлетнего ребёнка ниже средней упитанности. Распахнув пальто и засунув шляпу под кресло, мистер Ульсен замер в ожидании знаменитой увертюры Эдварда Грига. После первых душераздирающих воплей саксофонов и барабанной дроби Ульсен понял, что его знаменитому земляку явно не повезло. Музыка великого норвежца, по мнению постановщиков, безнадёжно устаревшая, была модернизирована. У дирижёрского пульта стоял автор музыкального эрзаца Лэн Адомин и собственноручно заправлял шумовым оформлением.

«Ничего,— успокаивал себя обескураженный Ульсен,— старик Ибсен своё возьмёт. Всё станет на своё место. Кажется, в первой сцене Пер Гюнт — стройный и весёлый юноша...» — припоминал Ульсен. Занавес обнажил декорации. У бедного норвежца зарябило в глазах. На сцену выскочил рослый детина с пистолетом в руке. Условный рефлекс: Ульсен сполз с кресла на пол, с трепетом ожидая, что бандит сцены выкрикнет обычное: «Доллары или жизнь!» — и разрядит свой кольт в публику.

Присмотревшись, Ульсен узнал Джона Гарфильда — известного ему по бешеной рекламе актёра с Бродвея, который подвизался в специфически американском амплуа «гангстера-психопата». На сей раз Джонни играл Пер Гюнта.

Да, Ибсен оказался не счастливее Грига. Его стихи были сочтены скучными и многословными. Последнее, впрочем, мало озадачило постановщиков, имевших богатейший опыт по части спрессовывания любых произведений мировой литературы до размера пивной этикетки. Миндальничать в таких случаях не приходилось: сокращать так сокращать! Если же сокращённое окажется недостаточно эффектным, можно досочинить. Ведь «дописал» же шекспировского «Гамлета» их коллега Перси Маккей! А чего стоит боевик «Поцелуй меня, Кэт», сделанный по шекспировской комедии «Укрощение строптивой»?!

Ибсен также не избежал общей участи писателей, попавших на американскую литературную бойню. На этот раз роль палача досталась доморощенному мистику Полю Грину. Он мастерски препарировал норвежского классика. Смелым взмахом паркеровской авторучки литературный мясник выкроил из «Пер Гюнта» лишь то, что, по его мнению, соответствовало духу и настроению Бродвея. Свое главное внимание он сосредоточил на таких действующих лицах, как ведьмы, домовые, лесовики, гномы. «Вот где могут блеснуть ребята с Бродвея!» — подумал Грин, и его перо заскрипело, порождая новые, не написанные старомодным Ибсеном сцены.

Мистер Ульсен терпеливо переносил шабаш ведьм, сменявшийся кривляниями разнокалиберных кретинов. Бродвей был «в своей тарелке». Особенно шумной была картина дома для умалишённых в Каире. Но вот под монотонные чередования аккордов буги-вуги на сцену выскочила размалёванная девица. Костюм её и на пляже мог бы показаться слишком вызывающим. Судя по ходу действия, она изображала дочь короля троллей. Лысина Ульсена покрылась бисеринками пота, когда он узнал в принцессе одну из самых порнографических дам Бродвея — Шерри Бриттон.

...С диким воплем потомок викингов ринулся к выходу.

О. ФЕОФАНОВ

Влюблённый механик

Около двух лет работает в Адамовской машинно-тракторной станции худощавый брюнет Владек Кубицкий. Поступил он слесарем, но с этой весны переведён на должность разъездного механика по ремонту. В случае серьёзных повреждений тягачей или других машин Кубицкий на мотоцикле мчится в тракторные бригады. Это как бы техническая «скорая помощь».

Голубоглазой трактористке Хеле Гржендовской двадцать лет. Она работает в той же МТС около года. Несколько месяцев тому назад Владек и Хеля не без некоторого удивления заметили, что они влюблены.

С этого момента,— точнее, уже во время весенней посевной кампании, а потом и во время уборки урожая — Владек, думая о Хеле, нередко попадает под власть каких-то несерьёзных, даже глупых желаний: вот, мол, случилась бы какая-нибудь авария в бригаде Карпеля, у Хели!.. Послали бы туда Владека, и это был бы случай увидеться с любимой!

Именно Владек обязан обслуживать бригаду Карпеля, в которой работает Гржендовская. Это одна из лучших бригад. Во время пахоты бригада ни разу не вызывала механика. Сейчас идёт уборка урожая, бригада работает на краю уезда, в тридцати километрах отсюда. И до сих пор там всё благополучно.

Если бы хоть какая-нибудь авария!.. Это вредное желание иногда просто преследует Владека. Но потом механик овладевает собой. Как же так? Он желает несчастья? И кому же? Своим трактористам! Хеле, которая дала обязательство весь сезон проработать без ремонта!

Об этих настроениях Владека знают и другие. Знают и нередко подтрунивают над ним:

— Надо было тебе влюбиться в другую — в Павлякову из бригады Яницкого! Ты бы ездил к ней каждую неделю, а то и чаще... Или вот что: влюбись-ка в Стефана! Жаль, что Стефан не женщина, не правда ли?

Стефана Климка механику приходится навещать часто. Это самый ленивый и неряшливый тракторист.

Жаркий день сегодня. Порой, когда пронесётся лёгкий ветерок над двором МТС, пахнёт липовым цветом, а по другую сторону сельской улицы шелестят деревца, обрызганные красными каплями спелых вишен.

В МТС осталось лишь несколько человек. Кубицкий возится с молотилкой. С минуты на минуту должна явиться комиссия, чтобы проверить, исправно ли работает молотилка: ведь кое-где началась уже молотьба.

Из конторы кто-то зовёт:

— Кубицкий! Механик Кубицкий! К телефону!

Кубицкий вытирает руки, измазанные тавотом, и спешит к телефону. В трубке слышен голос Хели:

— Владек?

— Да!

— Знаешь, авария! Трактор подвёл! У нас простой... В моторе заело что-то...

Сбылось!..

Но именно теперь Владек почему-то не радуется. Он не находит, что ответить Хеле. Он удручён и подавлен. Обязательство Хели пошло прахом. Может быть, трактору грозит долгий простой?..

— Как же ты могла допустить? Забыла смазать, что ли? Надо быть внимательнее...

— Но при такой жаре...

— Подумаешь, жара!

Вдруг голос в телефонной трубке меняется, звучит весёлый смех девушки:

— Испугался? А я просто пошутила! Всё в полном порядке. Сейчас обеденный перерыв, вот я и позвонила тебе...

У Владека точно гора с плеч свалилась. Он чувствует себя так, как будто нырнул в реку и плывёт теперь в прохладных, освежающих волнах.

— Увидимся, пожалуй, ещё не скоро,— лукаво замечает Хеля.

— Ну я уж постараюсь как-нибудь вырваться,— отвечает Владек.— Лишь бы только не авария!.. Помни!..

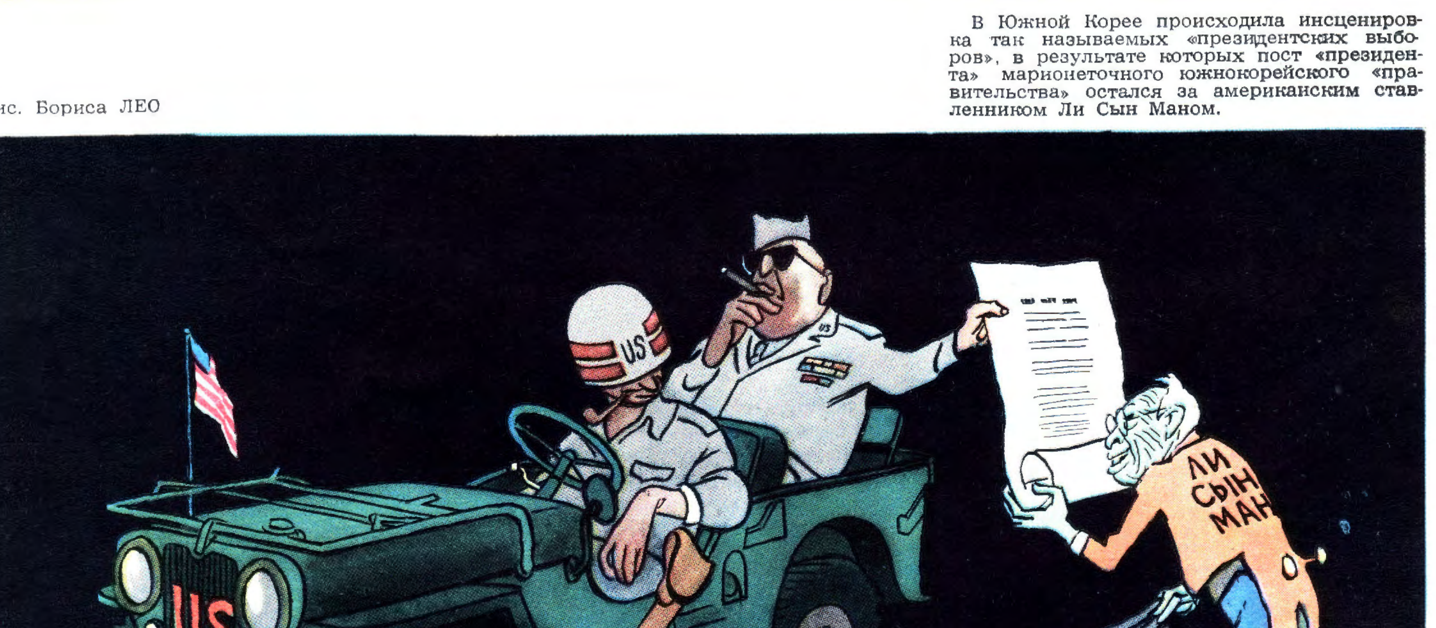
В телефонных трубках звучит общий весёлый смех.

Из польского сатирического журнала «Шпильки».

Перевёл А. ТИМАШЕВ

В Южной Корее происходила инсценировка так называемых «президентских выборов», в результате которых пост «президента» марионеточного южнокорейского «правительства» остался за американским ставленником Ли Сын Маном.

Рис. Бориса ЛЕО

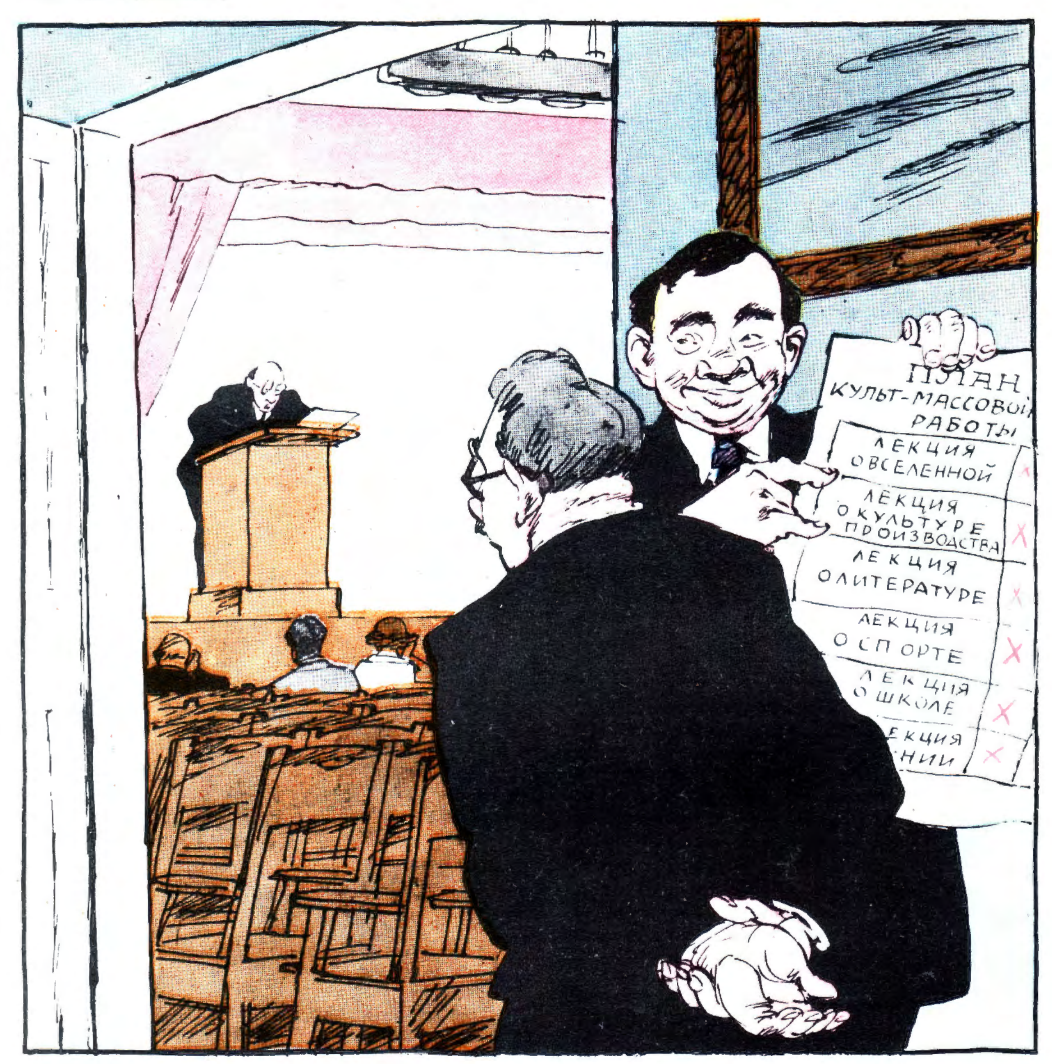

— Мой хозяин решил продлить с вами контракт и оставил вас президентом ещё на один срок...

КОМУ ЧТО...

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

В погоне за выполнением плана культурно-массовой работы руководители некоторых клубов не заботятся о повышении качества лекций.

— В зале совсем пусто!
— Зато тут всё заполнено...

Григорий ПЕРОВ

Барсук-активист

БАСНЯ

Жил-был Барсук.
Вдали от всех,
в норе глубокой,
Угрюмый,
хмурый,
одинокий,
Он проводил барсучий свой досуг
Когда ж за ним из леса слали,
На сбор,
на совещанье звали,
Барсук,
судьбу свою кляня,
Роптал:
— Зачем меня тревожат?
Да неужели ж без меня
Вести собранье Лев не может?
И с Барсучихой слал ответ:
Что заболел Барсук серьёзно,
Что известили слишком поздно,
Что Барсука, мол, дома нет,
И всё подобное такое.

Так год за годом жил Барсук,
Ничем себя не беспокоя,
И всё ему сходило с рук.
Как вдруг
Лев объявил для всех зверей субботник.
Пришли за Барсуком —
Барсук лежит пластом.
— Да что вы, —
стонет он, —
какой же я работник?
Не в силах я и пальцем шевельнуть!
Как камнем, придавило грудь —
Ни охнуть, ни вздохнуть!
Душа вот-вот погаснет в теле!
Но тут Сорока за окном,
Чтоб подшутить над Барсуком,
Кричит:
— Горит барсучий дом!
Барсук как выхмахнет с постели!
Зовёт Лису:
— Беги скорей с ведром!
Не мне ж работать в одиночку,
Я активистом был всегда,
И раз ко мне пришла беда,
Тащи скорей,
Куница, бочку!
Медведь,
разматывай кишку!
Все, все на помощь Барсуку!

. . . .

На этом мы поставим точку.

Кишинёв.

ИГРА В ИГРУШКИ

Стояла ранняя южная весна 1951 года. Многие подумывали уже о предстоящем летнем отдыхе.

Таким приятным мыслям в те дни предавались в Одессе и руководящие работники Ильичёвского райпромкомбината. В конторе старательно составлялся график отпусков, распределялись путёвки.

И вдруг — новая забота. Нежданно-негаданно пришло из облисполкома решение. Такое было решение, что директор промкомбината, распечатав пакет, тут же созвал внеочередное совещание.

— Товарищи, — сказал директор, — нам вменяется в обязанность выпускать заводные игрушки. Этакие механизированные быстроходные катерки. И нас, товарищи, обязывают уже в нынешнем году выпустить 17 тысяч катерков. Надо действовать, товарищи!

— Есть действовать! — ответили в один голос главный инженер Мордкович и начальник механического цеха Добцис. — Будем действовать. Но только вот опыта нет у нас... Говорят, в Ленинграде и Риге такой опыт уже накопили... В Сормове тоже... целое судостроительство... Вот где опыт перенимать!

— Перенимайте, усваивайте, осваивайте! — распорядился директор. — Завтра же выпишите командировку Добцису в Ленинград, в Ригу... Дайте ему аванс в счёт этих игрушечных катерков. Уж если взялись за такую игрушку, то нечего деньги жалеть!

Шло время. Проходили месяцы. И вот както в один прекрасный день комбинат облетела долгожданная весть — игрушечный катер уже построен, он стоит в кабинете у Добциса.

...Испытание проводили в глубоководном бассейне для плавания, расположенном в парке «Победа». Сюда со своей драгоценной ношей прибыли Цыпарский, Мордкович, Добцис и другие руководящие работники комбината. Добцис взял у директора парка спортивный репродуктор и во весь голос объявил: «Дети, дети! Спешите к бассейну! Здесь будет произведено испытание новой игрушки!»

— Ну, зачем шуметь? — поморщился директор. — Надо скромнее. К чему нам свидетели?

Директор как в воду глядел. На глазах у юных экспертов пущенный на воду катер, не продержавшись и минуты на поверхности, винтом пошёл ко дну. В руках у директора Цыпарского осталась лишь верёвочка, к которой был привязан катерок, да на том месте, где он затонул, выплывали и лопались пузырьки. Начали дёргать за верёвочку, но вытащили лишь кусочки развалившегося катерка.

— Сколько уже затрачено на это, с позволения сказать, судно? — мрачно спросил директор, вытирая испарину.

Ему отрапортовали:

— Было ассигновано 20 749 рублей, но начальник цеха Добцис не уложился. Истратил 24 257 рублей, плюс к этому более 10 тысяч ушло на материалы и рабочую силу по производству опытных экземпляров, плюс командировочные 4 700 рублей, плюс...

Тем временем наступила осень 1951 года. С моря дули холодные ветры. В эти дни вся Одесская область готовилась к выставке изделий и товаров промышленности и сельского хозяйства. Было отведено место и для Ильичёвского промкомбината.

И вот она, выставка! В конце аллеи павильон промкомбината. На переднем плане ослепительно голубенькие катера. По очереди возле них дежурят ответственные работники промкомбината.

— Не вздумайте только их заводить! — предупреждает директор. — Вы ведь знаете, что наши заводные катерки того... не заводятся...

На исходе ещё один год... И по сей день в Одессе продолжается эта затянувшаяся игра в игрушки.

Ф. БОГАТЫРЕВ

Одесса.

По замкнутому кругу

Надо поднять документацию

Помеченный декабрём прошлого года приказ № 527 Министерства лесной промышленности ставил задачу без всяких обиняков — внедрить часовой график на всех предприятиях лесной промышленности. И разъяснял, что это верный путь к повышению производительности труда. И показывал, что таким именно путём надо совершенствовать поточные линии, добиваться предельного использования мощностей, оперативно устранять возникающие неполадки...

Очень убедительный приказ!

— Сколько же поточных линий работает у вас сейчас, через семь месяцев после этого приказа, по часовому графику? — спросили мы в Главсеверокомилесе.

— Знаете что? Давайте отложим этот разговор на денёк! — предложил нам заместитель начальника главка тов. Ипполитов.— А завтра советую обратиться в наш производственно-технический отдел.

— Это не так просто,— сказали нам на следующий день в производственно-техническом отделе.— Надо поднять документацию.

Спорить было бесполезно, и мы ретировались. А при новой встрече с тов. Ипполитовым спросили:

— Ну, как, подняли?

— А то как же!

И руководитель главка вручил нам документ, простодушно озаглавленный:

«Выписка из сведений, собранных по телефону...»

Узнав из этой выписки, что в трестах «Печорлес» и «Комилес» часовой график совсем не применяется, мы заинтересовались причинами. Но на этот счёт наш собеседник располагал весьма туманными сведениями. Видимо, выяснить на скорую руку все подробности по телефону было нелегко.

— Вот если вас интересует история приказа № 527...

Но история была нам в общих чертах известна, и мы продолжали допытываться о сегодняшнем дне. Нас интересовало, в каких трестах Главсеверокомилеса приказ о часовом графике действует на полную силу.

— В «Устюглесе»,— уверенно ответил тов. Ипполитов.— Там, как видите, работает по новому методу двадцать одна поточная линия. Так гласят сведения с мест...

Как же это выглядит в натуре?

Должны бы все...

Узнав о цели нашего приезда, управляющий трестом «Устюглес» тов. Лукьянчиков посоветовал нам немедленно обратиться в производственно-технический отдел.

— Идите,— сказал он,— прямо к Дианову! Он вам всё расскажет.

И тов. Дианов, действительно, рассказал нам немало. Главным образом о том, что «Устюглес» — колыбель часового графика, что здесь этот метод был впервые применён и поддержан, что достижения новаторов-устюжан явились поводом для знаменитого приказа. Значение же этого приказа, сами понимаете, так велико...

Нисколько не сомневаясь во всём этом, мы, как и в главке, попытались узнать, все ли поточные линии на родине часового графика работают по часовому графику.

— Да ведь должны бы все... — предположил вслух тов. Дианов.

— А точнее не скажете?

— Да ведь как вам сказать... Попробуем прикинуть... Значит, так: в Никольском леспромхозе, кажется, две. В Ентальском, должно быть, тоже две. В Усть-Алексеевском, пожалуй, одна. В Рослятинском, вероятно, тоже одна. И в Кемском... Сколько же в Кемском? Ну, в общем, думаю, по тресту штук семь наберётся. А может, и восемь...

— Не больше?

— Безусловно.

А ведь в справке главка чёрным по белому обозначено: двадцать одна!

Уточнённые подробности

Заместитель начальника Главсеверокомилеса тов. Ипполитов считает, что часовой график весьма успешно прививается в «Вологдолесе». И ссылается в подтверждение своих сведений на руководство треста.

Главный инженер треста тов. Крюков признаёт успехи восьми поточных линий «Вологдолеса», работающих по часовому графику, отличными. И советует обратиться за подробностями в производственно-технический отдел.

А начальник этого отдела тов. Копеин такими подробностями, оказывается, не располагает.

— Да,— говорит он,— действительно, восемь наших поточных линий переведены на часовой график. Это точно. Так и во всей документации пишется. Только я не совсем уверен, что они очень успешно работают. Впрочем, вот вам список, можете сами на месте уточнить. Загляните, например, в Междуреченский леспромхоз — там у них часовой график на потоке Пуногиной действует.

Предложение кажется нам заманчивым. Держим путь в леспромхоз. Обращаемся к директору тов. Баранову. И получаем вполне авторитетное разъяснение:

— Это у Пуногиной-то? Часовой график? Да ничего подобного!..

Шестьдесят и две

Привыкнув к такого рода «уточнениям», мы начали беседу с главным инженером Тотемского леспромхоза тов. Ковалёвым предельно осторожно.

— Можно ли,— спросили мы,— верить полученным нами сведениям, что у вас несколько поточных линий работают по часовому графику?

— Работали,— отозвался тов. Ковалёв.— Прошлой зимой.

— А сейчас?

Главный инженер вздохнул так выразительно, что можно было ни о чём больше не спрашивать. И, распрощавшись, мы взяли курс на Котлас: по сведениям, которыми снабдил нас заместитель начальника главка, часовой график действует в «Котласлесе» на пяти поточных линиях.

— Это верно? — спросили мы у главного инженера треста тов. Серякова.

— Не очень,— ответил он.— А на двух, можно твёрдо сказать, действует.

— На двух линиях из шестидесяти?

— Вот именно.

А когда мы начали доискиваться причин, тов. Серяков только руками развёл:

— Кто же его знает!.. Об этом вам бы лучше в отделе труда министерства спросить.

Так мы и поступили.

Начальник отдела труда министерства тов. Лиховидов принял нас весьма любезно. А узнав о теме предстоящей беседы, столь же любезно предложил:

— Не пройдёте ли к начальнику сектора социалистического соревнования тов. Панкину? Он вам решительно всё расскажет.

Мы согласились. И встретили у тов. Панкина не менее радушный приём.

— Часовой график,— сказал он,— имеет для нашей промышленности поистине колоссальное значение. Передовикам-новаторам мы оказываем, согласно приказу, всемерную поддержку. Их почин мы обобщаем, распространяем и разъясняем. И поточных линий, работающих по часовому графику, становится у нас всё больше и больше...

— А нельзя ли уточнить? — попросили мы.

— Точные цифры, к сожалению, не по моей линии. Советую обратиться в производственно-техническое управление.

Обращаемся. И встречаем в лице начальника управления тов. Лайко человека ещё более радушного, чем два предыдущих. Он с истинным удовольствием дал бы все интересующие нас сведения. Но...

— Не побеседуете ли лучше с тов. Ермолиным?

А уж дальше всё пошло без всяких задержек.

— Рекомендую пройти в отдел внедрения новой техники,— сказал тов. Ермолин.

— У нас такой отчётности не заведено,— ответили в этом отделе.

— Не по адресу вы обращаетесь,— разъяснил нам заместитель министра тов. Вараксин.— Вам надо в отдел труда. К Лиховидову. Он полностью в курсе...

Так мы обошли весь министерский круг по часовой стрелке, но точных сведений о судьбе часового графика всё же не обнаружили.

Ф. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Крокодила»

Москва — Котлас — Москва.

Рис. Г. ВАЛЬКА

Многие критики уклоняются от критического разбора отрицательных персонажей в пьесах.

— **Почему он покидает зал во время действия!**

— **Это критик. Сейчас на сцене должен появиться отрицательный персонаж...**

Из шести томов собрания сочинений А. Н. Островского, которые должны были выйти в этом году, Гослитиздат не выпустил ни одного.

— **Что же это вы, Александр Николаевич, не выходите! Ведь мы вас ждём!**

— **Рад бы выйти, да меня не выпускают...**

МУДРАЯ АПТЕКАРША

Не напрасно Надежда Захаровна Рудич столько лет управляет батыревской аптекой. Она знает, какое средство и в каком случае помогает.

С её точки зрения самое главное — определить, кого как принять, чем угостить, что подарить.

Приедет к ней с ревизией управляющий Чувашским отделением Главного аптекоуправления Сорокина, а на столе уже готово угощение по соответствующему рецепту. И спирт из аптечного склада принесён, и о мягкой постели позаботились.

Посидели вечерок, побеседовали по душам, глядишь, и приказа с выговором будто и не было.

Одно плохо: больные продолжают жаловаться на аптеку и на управляющего Надежду Захаровну. Пишут, что она ещё двух родичей — тоже Рудичей — в аптеку устроила, что посетителям грубит, лекарства и медикаменты путает.

Получила эти жалобы Сорокина, вздохнула, делать нечего — подписала приказ: объявить Надежде Захаровне Рудич строгий выговор с предупреждением.

И этот приказ повис в пространстве. Очень уж вкусны оказались гуси и яйца, присланные предусмотрительной аптекаршей в подарок.

Опять два года не тревожилась Надежда Захаровна. И вдруг неожиданно грянул гром. Республиканская газета «Коммунизм ялаве» написала о том, что аптека отказывает в медикаментах, лежащих у неё на складе, приготовляет лекарства «на глазок», с врачами больницы не в ладах.

Испугалась Надежда Захаровна. Не уйти ей теперь от ответа! Вон и ревизор уж едет — заведующий аптечной сетью Богдашкина.

Приехала Богдашкина, проверила газетную статью и сама во всём убедилась.

Но недаром Надежда Захаровна Рудич слывёт опытным фармацевтом! Недаром она умеет составлять сильно действующие средства!

Чтобы успокоить жалобщиков, Чувашское аптекоуправление издало громовой приказ: снять Рудич с работы. Но уж больно хорошо попировала Богдашкина у гостеприимной аптекарши! Нельзя же её так жестоко обидеть — и через семь дней вышел приказ о назначении Рудич... на должность управляющего Аликовской аптекой.

Кто может сравниться с Надеждой Захаровной в уменье найти нужное средство и составить спасительный рецепт?

А. МОРСКОВ

Чебоксары.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ Начальник Среднеазиатского треста «Желдормеханизация» Асеев систематически срывал выполнение государственного плана работ. Об этом в № 1 Крокодила была опубликована заметка «Идут директивы».

Асеев с занимаемой должности снят.

◆ Начальник гаража строительно-монтажного управления № 3 Комиссаров, используя служебное положение, построил себе дом, о чём говорилось в заметке «Для друга всё не туго» (№ 18 журнала).

Комиссаров П. Е. от работы освобождён. Материал о его злоупотреблениях направлен следственным органам.

◆ В заметке «Цогоев подписывает...» (№ 19 журнала) рассказывалось о том, что начальник Статистического управления Северо-Осетинской АССР Цогоев заставлял своих подчинённых писать за него статьи и получал за эти статьи гонорар.

За недостойное поведение и использование служебного положения начальником Центрального статистического управления при Совете Министров СССР тов. Цогоеву Т. Х. объявлен выговор.

◆ В № 20 был напечатан фельетон «Поборник истины» — о клеветнической деятельности начальника отдела снабжения Московской консерватории Вельтмана.

Вельтман от работы в консерватории освобождён.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Работники единственной в нашем селе столовой в рабочее время устраивают совещания на тему о вкусной и здоровой пище. Столовая на время этих совещаний закрывается.

НАБОКОВ

с. Нюксеница, Вологодской области.

Рис. И. ИГИНА

Когда не во-время меняется меню.

Уважаемый Крокодил!

Окажи, пожалуйста, помощь нам, фотолюбителям города Баку. Повлияй на работников местной промышленности, которые обязаны снабжать магазины фотоувеличителями к аппаратам «ФЭД», «Зоркий», «Киев» и другим, но, увы, этого не делают. Вот уже два года, как мы в магазинах видим одно и то же объявление: «Фотоувеличителей нет».

Б. СИДОРОВ

Баку.

Рис. М. ВАЙСБОРДА

Если бы удалось увеличить фотокадр (на рисунке слева), то получилась бы фотография (на рисунке справа), увы, соответствующая действительности.

Товарищ Крокодил!

Пугачёвский хлебокомбинат, руководимый тов. Н. Рыбчинным, систематически снабжает нас сырым, непропечённым хлебом. Обращаемся к тебе, так как все наши жалобы и даже выступление нашей районной газеты «Социалистическое земледелие» руководители хлебокомбината оставляют без внимания.

В. ЛЕПЕСТКИН

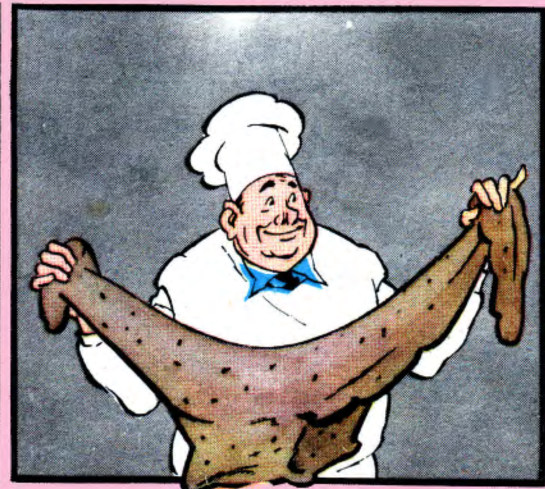
Пугачёв, Саратовской области.

ИСПЕКЛИ КАРАВАЙ...

Рис. Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

вот такой высоты,

вот такой ширины,

вот такой влажности...

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 746. Подписано к печати 2/IX 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04489. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2248. Тираж 300 000 экз.

Рис. Ю. ГАНФА

ВРЕДИТЕЛИ ПОЛЕЙ

По приказу итальянских властей у крестьян Венецианской области отчуждаются значительные территории для строительства военных аэродромов.

— Не везёт нам, Джузеппе, с урожаем: только избавились от саранчи, как налетели американцы...